

В.К.Кельмаков (Ижевск)

ФИНСКИЙ УЧЕНЫЙ В ПАМЯТИ КУКМОРСКИХ УДМУРТОВ

Во время одной из научных командировок в Кукморский район Татарской АССР, организованных Институтом языкознания АН СССР с целью изучения диалекта местных удмуртов, мне удалось записать в двух удмуртских населенных пунктах рассказы старожилов о некоем "финне", "финском профессоре", побывавшем в начале нашего века в этих местах. Вот эти предания:

1. лъктэм тацць фин мурт...

татын уртмортлис' улэмзэ кин' тодэм? лъктэм тацць дьшэ-тис' дорэ фин мурт. к а н' с а р кьтън вб°с' йс'кэ, ва'н'мьз картайаз ван'. та уртморт, пор - ва'н'мьс фин въжь шуса вэрам. сойэ шб°дса, урийатн'икйос кутса пуктил'л'ам. герман жугис'конлис' аз'ла со, дас кьк - дас кун'эти арийосън со.

тан' татын маикэ ван', солэн картайас, пэ, ван' со; со ти-н'и ван' гурт'т'ос џс'кътэм, пэ, ва'н'мьс, пэ, ван'.

к а н'с а рьн кб°лса кошкэм со. со понна дьшэетис'эз но нулдил'л'ам ал'и, кин' муртэ пьртит шуса.

д.Важашур (бъжо). Сайфеев Мухаметша Якупович (1901, 4 кл.) - февраль 1967.

1. Приехал сюда /один/ финн...

Кто знал, что здесь удмурты живут? Приехал сюда к учителю /один/ финн. /Деревня Старый/ Канисар где совершает моления, все [это] имеется на его карте. Эти удмурты, марицы ('этот удмурт, мариец') - все являются [людьми] финского племени, говорил он. Узнав ('почуяв') об этом, урядники его задержали ('схватив, посадили'). Это еще до германской войны, это в двенадцатом-тринадцатом году.

Вот что здесь имеется, отмечено-де на его карте; вот все деревни зафиксированы, все-де имеется.

В [Старом] Канисаре он провел ночь. Из-за него и учителя еще допрашивали ('таскали') - какого, мол, человека ты приотил [у себя].

2. Ф и н' л' а' н' д' ии с' профе' ссор вэ' лиз...

татън тшэ ф и н' л' а' н' д' ии с' вэ' лиз, одик профе' ссор лъктьса. ай со туш кэмалас' эвол, мон дышэти с' ко вал ин' и. с' урьс укмъс с' у укмъсэти арън мидам со? мон сойэ гурт' т' осэ д' амшик луса нудди валэн. лудън вѳ' с' ас' кьтиз, калькэз л' укаса. къз' ь-къз' ь вѳ' с' ас' ко, сойэ гоштиз, дър, ин' со.

мил' ам гуртис' эн тан' и в у ж г у р тэ мьниз, отън вѳ' с' ас' кьтиз. отън д у с м э к э й ъ р а м а н ван' вал пѳэс' мурт' т' ос, соос вѳ' с' ас' ки' зъ. събърэ к ъ н' ала мьниз, к ъ н' алас' эн бѳртис тащъ. татис' эн м а л м ъ жэ кошкиз ин' и, м а л м ъ жэ нуса кэл' ти мон сойэ. отън ма карэм, дър; м а л м ъ жън но уртморт' т' ос ван' вет'.

монэ но шъкас' ки' зъ, мал сойэн вэ' дит шуса. мон сойэ ѳ' и то' дь - солис' пол' ит' и' чэский д' ашгъшэ шэтти' зъ.

с. Ошторма-Юмья (ульнгурт). Игнатъев
Афанасий Игнатъевич (1887, грамотный)
- I февраля 1967.

2. Из Финляндии профессор приезжал...

Здесь так [вот] один профессор ездил, прибыв из Финляндии. Это не так еще давно, я уже работал учителем. В 1909 году что ли это [было]? Я в качестве кучера возил его на лошади по деревням. Собрав народ, просил устраивать моления в священной роще луд. Как совершают моления ('как-как молятся'), это он, наверно, записывал.

Из нашего села направился вот в Старую Юмью, там организовал моления. Там были еще Дусмекеев Роман [и другие] из старых людей, они молились. Затем поехал в Старую Кня-Юмью, из Старой Кня-Юмьи вернулся [обратно] сюда. Отсюда уж поехал в Малмыж, в Малмыж отвез я его. Чем он там занимался [не знаю]; и в Малмыжском уезде ('Малмыже') имеются ведь удмурты.

И мне выговаривали, почему [мол] ездил с ним. Я об этом ('того') не знал - у него выявили [какие-то] политические ошибки.

За исключением отдельных деталей, сведения о финне в преданиях, записанных в отдаленных друг от друга населенных пунктах и от людей различного возраста (второй информант на 14 лет старше первого), в общих чертах совпадают: речь идет об ученом финского происхождения (или родом из Финляндии), который приехал к удмуртам накануне I мировой войны, пользовался различными услугами местных учителей, интересовался религиозными верованиями удмуртов и которого местные власти не очень-то жаловали. Кто бы это мог быть?

В конце 60-х годов с таким вопросом я обратился к своему научному руководителю В.И.Лыткину, и он высказал предположение, что "финским профессором" мог бы быть Ю.Вихманн; и оно, годы спустя, нашло отражение в моей статье "В народе еще помнят" (Кельмаков 1982а), посвященной финскому языковеду. Для этого были определены основания. Дело в том, что Ю.Вихманн по первоначальному своему плану собирался ехать в 1891 году к удмуртам Мамадышского уезда Казанской губернии (ныне Кукморский район Татарской АССР), т.е. именно в те края, где за 13 лет до этого (в 1878 году) работал его предшественник Т.Г.Аминофф, материалы которого должен был подготовить к изданию Ю.Вихманн. Однако он вынужден был изменить свой маршрут, ибо накануне выезда получил сведения, согласно которым в названном уезде из-за неблагоприятных погодных условий и неурожая прошлого года население настолько бедствует, что там, по всем признакам, нельзя получить ни жилье, ни средства пропитания (Wichmann 1893б: 9; Lakó 1969: 396-397). Потерпев неудачу в первый раз, думалось мне, он попытается использовать любую другую возможность, чтобы попасть к "мамадышским" удмуртам, хотя бы такую, как научная поездка к мари́йцам в 1905-1906 гг. Этими соображениями и была навеяна та моя статья.

Однако это предположение наталкивается на определенные противоречия: во-первых, оба очевидца приезд финского исследователя к удмуртам относят к более позднему времени (предположительно к 1909-1913 годам), нежели к 1905-1906 годам, когда Ю.Вихманн совершил последнюю свою поездку к "восточным финнам" - мари́йцам; даже если и допустить, что Ю.Вихманн каким-то образом смог вернуть во время этой своей поездки и к мамадышским удмуртам,

заглянуть, в частности, в д. Старый Канисар, то М.Я. Сайфеев, будучи малышом в возрасте 4-5 лет, едва ли был бы в состоянии что-либо понять и запомнить; во-вторых, по мнению обоих информантов, финского ученого интересовали не столько язык и фольклор удмуртов, сколько их религиозные верования; это также не совсем характерно для языковеда Вихманна.

В настоящее время, имея в руках определенные источники, я могу уверенно заявить, что этим "финским профессором" был не кто иной, как Уно Нилс Харва-Хольмберг (1882-1949), впоследствии крупный "специалист по истории религии" (Хайду 1985: 388), автор множества публикаций по мифологии и языческой религии финно-угорских народов, в их числе и удмуртов (список его работ см.: Anttonen 1987: 188-190; Владыкин - Христолюбова 1984: 136). Материал наиболее фундаментальной из них - издания "Религия пермских народов" (Permalaiisten uskonto. - Borga, 1914) - послужили основой для книги А.И. Емельянова "Курс этнографии вотяков" (Вып. Ш: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. - Казань, 1921. - 156 с.), где исключительно полно представлен "комплекс религиозных верований удмуртов, почитание предков, культ куалы и луда, общественные моления, пантеон духов; содержится очень подробное описание погребальных и поминальных обрядов, а также земледельческих праздников" (Владыкин - Христолюбова 1984: 56).

Но все это будет несколько позже. А пока еще, летом 1911 года, молодой 29-летний финский этнолог Уно Харва-Хольмберг посетил удмуртов Пермской и Уфимской губерний, побывал со своими исследовательскими целями в следующих населенных пунктах Мамадышского уезда Казанской губернии (ныне Кукморский район Татарской АССР): с. Ошторма-Юмья, д. Старый Канисар, Средний Кумор, Старая Юмья, Верхняя Юмья, Старая Уча (Владыкин - Христолюбова 1984: 69; Anttonen 1987: 62, 206-207), где и встретился с моими будущими информантами, а те в свою очередь донесли народную память о нем до наших дней.

Что касается каких-то "политических ошибок", выявленных излишне ревностными местными чиновниками в мыслях и делах финского исследователя, то следует заметить, что никогда еще

ученые не пользовались полным пониманием и доверием со стороны вершителей административной власти, тем более в то смутное время - лихолетье послереволюционной реакции и в преддверии грозных потрясений периода I мировой войны, революции и гражданской войны в России.